

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

И. С. ПЕРЕТЕРСКИЙ. ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА

(Очерки по истории составления и общая характеристика).

М., Госюриздат, 1956, 131 стр.

Рецензируемая работа вышла после смерти её автора — крупного советского ученого-юриста. В круг научных интересов проф. И. С. Перетерского, наряду с вопросами гражданского и международного права, входило также и римское право, большим знатоком которого он являлся. Его перу принадлежит монография, посвященная праву древнего Рима¹. Проф. И. С. Перетерский был также одним из авторов и редакторов советского учебника по римскому частному праву².

Вышедшая недавно работа по замыслу автора должна была послужить своего рода введением к изучению такого крупнейшего законодательного памятника, каким являются *Дигесты* (533 г.), и она, несомненно, будет полезна для всякого историка и юриста, изучающего римское право.

Книга состоит из шести глав: «Общая характеристика Восточно-Римской империи в начале VI в. н. э.», «Состояние римского права к началу VI в. н. э.», «*Corpus iuris civilis*», «*Digesta*» или «*Pandectae*», «Интерполации», «Оценка *Дигест*».

Исследованию *Дигест* в книге предпосылается общая характеристика Восточно-Римской империи в начале VI в. Автор признает империю рабовладельческим государством, находящимся в стадии разложения, и отмечает, что специфической особенностью Византии было сохранение сильных пережитков рабства при развитии феодальных форм эксплуатации. Кризис рабовладельческого способа производства, приведший к общему экономическому упадку и вызвавший рост революционных выступлений рабов и колонов, а также затруднивший отпор натиску варваров, заставил господствующий класс принять меры для создания своеобразной диктатуры. Верховная власть императоров усиливалась. Правление Юстиниана было последней судорожной попыткой рабовладельцев сохранить старый общественный порядок. В создавшихся условиях для них было особенно необходимо обеспечить твердое применение норм права. Между тем старое законодательство было громоздким и в ряде отношений устарело, вследствие чего применять его полностью было нецелесообразно. В то же время в способе производства еще не наступили такие кардинальные изменения, которые сделали бы необходимым создание нового законодательства и связанный с ним полный или частичный отказ от норм права, детально разработанных и освященных вековыми традициями. Все это заставило идти по третьему пути — по пути кодификации.

¹ И. С. Перетерский. *Всеобщая история государства и права. Часть I. Древний мир. Вып. II. Древний Рим.* М., 1945.

² Римское частное право. М., 1948.

Характеризуя состояние римского права к началу шестого века и определяя историческое место Дигест, И. С. Перетерский подвергает обоснованной критике своеобразный «эллиноцентризм» и «романоцентризм», проявляющийся иногда в исторической науке и выражающийся в том, что весь материал группируется обычно вокруг Греции и Рима. Другим странам древнего мира при этом уделяется недостаточно внимания. Такой подход сказывается и при изучении истории римского права. Исследование его развития ограничивается обычно рамками Западно-Римской империи, падение которой повело к тому, что с V в. на западе римское право перестало иметь общее применение. С этих позиций Дигесты рассматриваются как «результат» развития римского права, как своеобразное подведение итогов. Между тем Византия после кодификации существовала почти тысячелетие, и развитие права там не прекращалось. Достаточно упомянуть такие законодательные памятники, как Эклога, Прохирон, Васлики и др. Поэтому и кодификацию VI в. следует рассматривать не как «подведение итогов», а как один из важных этапов развития римского права. И. С. Перетерский в связи с этим обращает внимание на значение Кодекса Юстиниана для изучения права VI в.

Анализируя основные источники права Восточно-Римской империи, И. С. Перетерский дает чрезвычайно интересную и яркую характеристику римских юристов и их сочинений. Римские юристы предстают перед нами как верные слуги класса рабовладельцев, как упорные консерваторы. В центре их внимания стояла охрана интересов собственника, предоставление ему всесторонней правовой защиты. Автор особенно подчеркивает практицизм римских юристов.

С III в. творчество юристов в известной степени потеряло свое прежнее значение, и основным источником права стала законодательная деятельность императоров. Начался «бюрократический период» римской юриспруденции.

К VI в. римское право испытало на себе влияние со стороны так называемого местного права. И. С. Перетерский отмечает, что римское право в ряде отношений впитало в себя правовые воззрения представителей различных частей империи и в первую очередь — греков³.

Касаясь влияния христианства на римское право, И. С. Перетерский отмечает, что это влияние было сильно преувеличено буржуазными исследователями. Изменения в праве были вызваны разложением рабовладельческого способа производства, а не влиянием церкви. Христианство веками уживалось с рабством. Так, Орлеанский собор 511 г. определил, что размер вознаграждения, который епископ обязан уплатить хозяину раба, посвященного в духовный сан, должен равняться двойной стоимости раба. Это правило, как указывает автор, может рассматриваться лишь как признание института рабства (стр. 26). Следует отметить, что церковь не только уживалась с рабством, но, на что уже обращал внимание М. Я. Сюзюмов, рабовладение защищалось всеми средствами церковного воздействия. Гангрский поместный собор предал анафеме лиц, принципиально выступавших против рабства. Эта анафема церковного собора воспроизводилась во всех последующих книгах по церковному праву. Никаких постановлений церкви, направленных против института рабства, не имелось⁴.

³ Западное местное право также оказывало свое влияние. Об эволюции права собственности под его влиянием см. в книге E. Levy. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951.

⁴ См. рецензию М. Я. Сюзюмова на книгу A. Hadjinikolau-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin*. BB, т. V, 1952, стр. 281.

Новшества, которые христианство внесло в римское право, выразились лишь в мерах против язычников, иудеев и еретиков, да в появлении норм, определяющих правовое положение церкви.

В книге дается общая характеристика *Corpus iuris civilis*. И. С. Перетерский подчеркивает, что эта кодификация отвечала требованиям своего века, поскольку она охватила обширное законодательство императоров, учла основные институты, сложившиеся в восточных провинциях, и устранила многие архаизмы. Автор дает краткую характеристику двум частям этой кодификации — Институциям и Кодексу Юстиниана, а также Новеллам и Пятидесяти решениям. Освещается также реформа юридического образования, последовавшая вслед за принятием Дигест.

Центральная глава книги посвящена Дигестам. И. С. Перетерский отмечает, что если сборники типа Институций и Кодекса были известны и ранее, то Дигесты — новый по характеру жанр юридической литературы. После разбора теорий Гофмана, Петерса и Блюме о порядке составления Дигест автор приходит к выводу, что Дигесты, несмотря на большой объем работы и небольшой срок, который комиссия Трибониана имела в своем распоряжении, должны быть признаны результатом самостоятельного труда компиляторов.

В книге освещаются структура и система Дигест и дается общая характеристика их содержания. Рассмотрение содержания Дигест приводит автора к выводу, что они не охватывают всех вопросов, регулируемых византийским частным правом. Кодекс Юстиниана содержит многочисленные постановления, относящиеся также и к вопросам частного права и соответственным образом дополняющие Дигесты.

Как известно, подавляющее большинство фрагментов Дигест относится к частному праву. Наряду с этим автор отмечает места, касающиеся публичного права, и дает, в частности (стр. 57—59), исключительно ценную сводку высказываний римских юристов по вопросам международных отношений и «международного права» (употребляя современную терминологию).

Большой интерес представляет предпринятое автором исследование отношения римских юристов к общим понятиям и определениям. И. С. Перетерский убедительно показывает, что несмотря на общую практическую направленность работ римских юристов, они отнюдь не чуждались определений и общих понятий (стр. 67—74).

Специальная глава книги посвящена вопросу об интерполяциях. Автор дает общее понятие об интерполяциях и глоссемах и вводит читателя в творческую лабораторию исследователя Дигест, знакомя с основными видами интерполяций и способами их установления.

В современной зарубежной литературе широко распространено одностороннее критическое отношение к Дигестам. Подводя итоги своего исследования, И. С. Перетерский решительно выступает против такого чрезмерно критического отношения со стороны некоторых исследователей. По мнению автора, при оценке Дигест следует исходить прежде всего из того, что они отражают право VI в. Кроме того, несмотря на интерполяции, Дигесты имеют огромное значение как свидетельство о древнейшем римском праве. Наконец, не следует забывать, что Дигесты дали готовый материал для рецепции римского права.

Завершая свою оценку Дигест, автор делает ряд интересных замечаний о значении Дигест для развития русского права.

Отмечая ряд серьезных достоинств рецензируемой работы, нельзя, однако, не сделать некоторых частных замечаний.

На стр. 23 автор утверждает, что влияние местного права выражается

не только в проникновении в римское право новых институтов, но и в исчезновении некоторых исконных римских институтов. В качестве примера в работе приводится исчезновение дробности института права собственности в римском праве, слияние нескольких видов права собственности в один. По нашему мнению, унификацию права собственности нельзя рассматривать как следствие влияния местного права. Первоначально римскому праву был известен только один вид права собственности — квинритская собственность. Лишь после Пунических войн в римском праве появился такой вид права собственности, как собственность peregrinorum. Этот последний институт отражал если не влияние, то существование местного права. Поэтому скорее дробность права собственности на определенном этапе была связана с наличием местного права. Что же касается унификации права собственности в законодательстве, то она явилась следствием настоятельных требований торгового оборота. После эдикта Каракаллы 212 г., предоставившего права римского гражданства почти всему свободному населению империи, исчезли основания для существования в законодательстве особого правового режима для собственности peregrinorum. С течением времени утратило свое значение различие между цивильной и бонитарной собственностью, а также различие в правовом положении земель в Италии и в провинциях. Причину этого процесса трудно усмотреть во влиянии местного права.

Кодификация VI в. связывается историками с именем Юстиниана. Однако роль Юстиниана в кодификационных работах сводилась к тому, что он учел потребности своего времени в упорядочении законодательства, избрал сведущих и способных сотрудников и дал им обширные полномочия. Поэтому личность Юстиниана, по нашему мнению, не представляет слишком большого интереса при изучении Дигест. Значительно интереснее в этом отношении фигуры компиляторов и, в частности, Трибониана. Автору следовало бы уделить последнему больше внимания, не останавливаясь так подробно на личности самого Юстиниана.

Рецензируемая работа вышла в свет уже после смерти ее автора. Она была написана в то время, когда И. С. Перетерский был прикован тяжелым недугом к постели. Именно этим объясняется отсутствие в работе ссылок на некоторые новейшие зарубежные работы, относящиеся к предмету исследования⁵.

К работе прилагаются переводы двух титулов первой книги Дигест (1-го — «О правосудии и праве» и 3-го — «О законах, сенатусконсультах и долговременном обычае»), а также оглавление всех титулов Дигест. Перевод снабжен комментарием и представляет большую научную ценность. Конечно, может быть предметом обсуждения перевод отдельных мест. Так, в частности, не вполне точным представляется нам перевод известного определения права, принадлежащего Цельсу: «Право есть наука (ars) о добром и справедливом» (стр. 101). Правда, и в немецком переводе Дигест это место переводится словами: «Wissenschaft dessen was billig und gerecht ist». Однако «Wissenschaft» означает здесь скорее «знание», чем «наука». Римские юристы были практиками, и право являлось для них прежде всего практической деятельностью. Поэтому перевод «право есть искусство доброго и справедливого» был бы, надо думать, больше в их вкусе.

⁵ Нельзя не отметить также отдельных небрежностей, допущенных при издании работы. Так, в результате небрежности редакции советская исследовательница Е. М. Штаерман превращена в мужчину (стр. 5, 7), английский историк Бэри — в Бьюти (стр. 127) и т. д.

Выбор отрывков из Дигест, помещенных автором в книгу, сделан исключительно удачно. Проф. И. С. Перетерский с 1941 г. работал над переводами избранных отрывков из Дигест. Следует пожелать, чтобы эта сложнейшая работа, завершенная И. С. Перетерским, как можно скорее сделалась достоянием широкого круга наших историков и юристов.

А. А. Рубанов
М. М. Богуславский

KLAUS HERMANN. DER BRAND VON BYZANZ.

Weimar, 1956, 323 S.

Автор рецензируемого романа Клаус Герман — известный немецкий писатель. В период фашистской диктатуры он подвергался гонениям, его пьесы были запрещены. В 1949 г. он вернулся из Западной Германии в Германскую Демократическую Республику.

Роман посвящен событиям, связанным с одним из наиболее трагических эпизодов царствования Юстиниана I — с волнениями, охватившими Константинополь в 532 г. и известными под названием «восстание Ника». Многие из главных действующих лиц романа — исторические персонажи, действительно игравшие существенную роль в событиях 532 г. О некоторых из них до нас дошли кое-какие биографические данные, творчески использованные автором. Так, создавая образ одного из основных героев своего романа Иоанна, К. Герман опирался на сведения, сообщаемые «Тайной историей» Прокопия. Прокопий рассказывает там (XVII, 16—23), что у Феодоры в то время, когда она была актрисой, родился от одного из ее любовников сын, названный Иоанном. Он был воспитан отцом, который увез его с собою в Аравию, а тем временем мать Иоанна стала византийской императрицей. После смерти отца Иоанн явился в Константинополь и открыл приближенным Феодоры тайну своего происхождения; Феодора же, опасаясь, что вся эта история станет известной Юстиниану, поручила Иоанна одному из верных своих служителей, — и сын императрицы исчез бесследно.

С прибытия Иоанна в столицу Византийской империи и начинается роман. Используя и видоизменяя переданный Прокопием рассказ, К. Герман вводит нас в самую гущу событий, рисуя интриги константинопольского дворца, борьбу «зеленых» и «голубых», облик города и быт константинопольского населения. При этом несомненным достоинством книги следует признать то, что в ней показаны социальные интересы, определявшие в конечном итоге судьбы отдельных людей. В романе хорошо изображены нищета низов и роскошь верхушки населения Константинополя. Показана борьба двух прослоек знати (в духе теории Манойловича-Дьяконова), их интриги и стремление использовать недовольство народных масс в своих узкокорыстных целях. Автор удачно подводит читателя к выводу, что движение Ника было возмущением народных масс не только против императорского произвола, но и против всего социального строя Византии; он отмечает также, что знать путем разных маневров стремилась удержать в своих руках руководство этим движением.

Неплохо, хотя местами и несколько схематично, отражено в романе расхождение в среде константинопольских ремесленников и показано, что все свободные презирали рабов. «Какой-то раб меня вчера назвал братом!! — возмущается один кузнец. — Раб и я — братья!?!» (стр. 284).